10. *Carlson W., Gehrz C., Collins Winn Ch., etc*. The Pietist Impulse in Christianity. Philadelphia, 2012.

11. Højskolebevægelsen [Electronic resource]. URL: http://www.grundtvig.dk/hvem-er-grundtvig/grundtvig-og-kulturen/hoejskolebevaegelsen.html (accessed: 09.10.2017).

12. *Ibsen J*. Grundtvig [Electronic resource]. URL: http://www.joyibsen.com/grundtvig.html (accessed: 09.10.2017).

13. *Petersen W*. Warm winds from the South: the spread of Pietism to Scandinavian Lutherans [Electronic resource]. URL: http://www.blts.edu/wp-content/uploads/2011/06/WWP-Pietism.pdf (accessed: 08.10.2017).

14. *Sanders H., etc*. Grundtvig — nyckeln till det danska? Göteborg, 2003.

Рукопись поступила в редакцию 10 октября 2017 г.

УДК 316.356.4:14.021.2 + 316.343.725 + 94(470)

В. И. Красиков

«КАК ЯНУС ИЛИ КАК ДВУГЛАВЫЙ ОРЕЛ»: ОСОБЕННОСТИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ХАРАКТЕРА И ДВЕ ТРАДИЦИИ ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Объектом рассмотрения в данной статье являются две традиции философствования в России — партикуляристская и космополитическая — как репрезентанты разных сторон отечественной культуры и менталитета. Соответственно предмет исследования — взаимодействие и взаимодополняемость их концептуализаций национального характера в последующей российской истории мысли. Методологической основой исследования являются установки витальной культурологии (Н. Данилевский, О. Шпенглер, А. Кребер и М. Херсковиц). Автор последовательно рассматривает три модели национального характера — «неполноценной рациональности», «религиозного мессианизма» и «виталистскую». Главные результаты проведенного исследования: анализ особенностей проявления рациональности у россиян, применение модели «трехшаговой причинности» по отношению к объяснению национального характера.

Ключевые слова: национальный характер, особенности рациональности, витализм, религиозный мессианизм, партикуляризм, космополитизм, славянофильство и западничество, трехшаговая причинность, интеллигенция, историческое априори.

Мир и Россия уже подходят к рубежу третьего десятка XXI в., а нам все так же недосуг разобраться со своей идентичностью, вопросом, впервые поставленным остро и нелицеприятно более века назад. Тогда же, по сути, и возникли две культурные традиции интерпретации этой самой идентичности, которые в совокупности образовали отечественную философию. Она по-своему, в концептуальной и мировоззренческой форме, выразила особенности отечественного *способа переживания и обсуждения* вечных общечеловеческих проблем, основные черты нашего склада ума и характера. Рассмотрим более пристально работу по концептуализации нашими предшественниками черт национального характера. Обсуждая его, мы будем рассматривать в первую очередь характерные,

© Красиков В. И., 2017

отличительные черты. Имеющий место быть набор наиболее часто встречающихся качеств есть, в той или иной степени представленности, у многих из нас, как и у большинства народов. Мы же будем обсуждать более специфические, те общечеловеческие черты, которые получали у нас, по тем или иным причинам, более интенсивное развитие.

Вначале некоторые необходимые методологические предуведомления. В исследовании феномена национального характера мы придерживаемся позиции витальной культурологии (Н. Данилевский, О. Шпенглер, А. Кребер и М. Херсковиц): самобытная совокупность общечеловеческих черт «души» той или иной культуры образует ее основу, или своего рода «социо-природное априори», и практически неизменна в дальнейшем. Разумеется, не исключены и некие коррективы этих характерных черт со стороны окружающих условий — ослабление или усиление интенсивности, резкости проявления, возможная комбинация с другими. Но все же общий рисунок, узнаваемые структуры не меняются. «Душа культуры» может лишь умереть со смертью своего носителя (хотя этнический тип, физические люди, потомки, могут и остаться), аналогично тому, как исчезает характер человека вместе с его смертью.

Начнем с истоков, со времени складывания двух традиций: партикуляристской и космополитической. Верно ли они выразили неизбывные черты нашего менталитета, узнаваемы ли они сейчас?

С середины 30-х гг. XIX в. идет перманентная полемика о характере и судьбе русского народа между двумя великими партиями. Вот наиболее заметные вехи в этом вековечном споре:

— «Философическое письмо» П. Чаадаева;

— «Несколько слов о философическом письме» А. Хомякова;

— «Философия и наука в Европе и у нас» и «Наш умственный строй» К. Кавелина;

— «Русская идея» и «Национальный вопрос в России» Вл. Соловьева;

— «Черты характера Древней Руси» В. Розанова;

— «Русская идея» и «Самопознание» Н. Бердяева;

— «Восток, Запад и русская идея» Л. Карсавина;

— «Размышления о национальности» С. Булгакова;

— «Очерки истории русской философии» Б. Яковенко;

— «Вечное в русской философии» Б. Вышеславцева;

— «Характер русского народа» Н. Лосского;

— «Очерк развития русской мысли» Г. Шпета и др.

Нет смысла говорить о разности их взглядов, но единственное, что их объединяло, это характеристика национальных черт. Они видели одинаковое, хотя, разумеется, давали ему разные оценочные характеристики, выстраивали различные объяснительные модели.

В унисон все говорили как об открытости, доброте, гостеприимстве и религиозности русских, так и об их душевной нестабильности, маниловщине, расхлябанности, максимализме и нигилизме. Из подобного набора как позитивных, так и негативных качеств были разработаны как минимум три модели национального

характера, причем в основание каждой из них были положены разные объяснительные схемы.

Первую можно назвать концепцией *«неполноценной рациональности»*. Она представлена у П. Чаадаева и К. Кавелина. Ее постулаты у П. Чаадаева еще не оформились в определенные понятийные формулировки, присутствуя скорее на уровне эмоций зависти к западным людям, раздражения и негодования по поводу своих «недотыкомок». Обитатели России — это «заблудившиеся в мире», «пустые души», «растерянные существа», некие «недотыкомки» с «расплывчатым сознанием». Подобные характеристики вызвали в свое время гарантированно бурную негативную реакцию.

Основное качество «неполноценной рациональности» — «неумение сосредоточиваться на чем-то определенном, удерживать последовательность, руководствоваться ощущением непрерывной длительности» [1, *22–23*]. Действительно, критерии классического (картезианского) рационализма по отношению к характеристике сознания — культивируемые способности разума к сосредоточенности, последовательности, непрерывности. Если сличить их с русским мышлением, то имеют место столь плачевные результаты, что можно лишь развести руками: «Ну для чего Господь явил миру столь странных созданий? Может, для какого-то поучительного урока, назидания всем остальным?».

Вместе с тем П. Чаадаев не приводит практически никаких объяснений подобных результатов, ограничиваясь только религиозными резонами — о дисциплинирующей силе католицизма в сравнении с православием. Однако позже в «Апологии сумасшедшего» он выдвигает другую, важную для последующих поколений западников идею об «азиатчине, татарщине» как главной причине подобного плачевного состояния: «самой глубокой чертой нашего исторического облика является отсутствие свободного почина в нашем социальном развитии» [15, *143*].

К. Кавелин обратил внимание на другой важный изъян «неполноценной рациональности» — слабость развития личностного начала у россиян: «наша нравственная личная несостоятельность и негодность» [6, *288*]. Это есть следствие отсутствия самоорганизации и интенсивности — двух органичных сторон разума, формирующегося в культуре личной активности и индивидуального почина. Напротив, культура «величавого государственного развития» и «личное нравственное ничтожество» взаимообусловлены.

Не будет преувеличением сказать, что П. Чаадаев и К. Кавелин интуитивно предвосхитили веберовскую концепцию о рождении европейского капитализма — с его персонализацией, формированием рациональной культуры, личностным профилированием трудовой этики и ролью религиозной самоорганизации в этих процессах. Подобное напрочь отсутствовало в российской истории господства государственных «вертикалей» и общинности, стихийности и массовидности, религии фантазерства и мечты. Так возникли всеобщее равнодушие, ветреность, легкомыслие (надежда на «авось»), юродство и маниловщина. Из чего следовал логичный вывод: мы станем нормальным европейским народом, лишь когда вступим на стезю политической, экономической и религиозной модернизации, встроимся в общечеловеческий прогресс.

Совсем по-другому эти же качества, столь презираемые либералами, представали во *второй* модели национального характера, которую разработали славянофилы. Ее можно назвать моделью *«религиозного мессианизма»*. Указанные выше качества русских оказались как нельзя кстати для византийской версии христианства, равно как и наоборот: православие обрело в наших душах истинную, адекватную форму «Святой Руси» [1, *453*]. Ведь малодеятельный в практической экономической жизни «христолюбец» заведомо много ценнее, нежели стяжающий умелец, маловерный или же, не приведи Господь, атеист. Пассивное, смиренное ожидание манны небесной, долготерпение, «просветление действительности» [11, *86, 94–95*], моральность выше законности, душа же дороже организованности, собранности и сосредоточенности.

Основное оправдание таким национальным слабостям, как беспорядочность, халатность, пассивность и безалаберность, — «не смотрите, что русские делают, смотрите на то, к чему они стремятся» [9]. Предметы же алкания абсолютны, святы и бесспорны:

— поиск универсальной истины, ведь «мы — центр в человечестве европейского полушария, море, в которое стекаются все понятия, когда оно переполнится истинами частными, тогда потопит свои берега истиной общей» [13, *450*];

— и самое основное, мессианское, предначертание: «Россия имеет в мире *религиозную* задачу» — «восстановить на земле... верный образ божественной троицы (церковь, государство и общество)»; «всеобъемлющее служение христианскому делу, для которого и государственность, и мирское просвещение суть только средства» [12].

Если есть столь впечатляющие цели, то к чему разговоры о таких мелочах, как повседневный методичный труд, упорство и реализм? По сути дела, византийские сказы о созерцательном, «боголепном» отношении к жизни, о нестяжательстве, юродстве, безалаберности и жалостливости к себе культивировали эти консервативные национальные черты, вместо того чтобы их ограничивать либо придавать им позитивные формы проявления. Отсюда возникла традиция их сакрализации. Мы гордимся своими особенностями и свысока смотрим на европейцев, на их рационалистическую ограниченность и педантизм. Мы выворачиваем наизнанку свой национальный партикуляризм и эгоизм, презентуя свой «универсализм» и «всемирную отзывчивость». В том убедили и Европу. После полуторавековой обработки они тоже поверили в особый, возвышенный склад русской души и русской религиозной философии.

По сути дела, славянофильствующая, религиозно-неортодоксальная интеллигенция «создала этнос» — сконструировала «религиозно-православную идентичность». Этот конструкт стал реальной соционтологической силой — в виде коллективных представлений значительной части российского общества начала XX в., русской эмиграции и, в итоге, некоторой существенной части населения современной России.

Напротив, было мало шансов на успех в деле конструирования новой российско-европейской идентичности у западнической критической модели национального характера, столь строгой к национальным слабостям, взыскующей труда и организованности.

Но и славянофилы — это не только те, кто, как любвеобильная мамаша, прощает все своему ненаглядному чаду. Будучи серьезными, глубокими мыслителями, наиболее самокритичные из них не ограничивались готовыми идеологическими штампами и двигались далее в понимании специфики российской ментальности — далее исходных координат, заданных отцами-основателями славянофильства.

Они стремились создавать нечто соразмерное имеющемуся у них жизненному опыту и своим способностям проникновения в действительность: рефлексивному разуму всегда тесно в догматических одеждах. Яркий пример тому — Н. Бердяев, разработавший некую синтетичную модель «русской души», в которой учел, включил в свою схему и критические, западнические, акценты. Можно увидеть в его модели и влияния авторитетных в Европе того времени исторического органицизма О. Шпенглера и философии жизни. Это *третья* модель, обозначим ее как «*виталистская*». Она основана на популярной в то время аналогии культуры — с животным жизненным циклом или, более узко, с историей взросления человеческой души; в ней культура проходит фазы детства, юности, мужания (созревания), затем увядания, дряхления. Фазы сопровождаемы соответствующими душевными изменениями: созревание приводит к ослаблению чувствительности, охлаждению пылкости воображения, накоплению опыта и росту собранности, самоорганизации и прагматизма; увядание — дорожка, ведущая к одряхлению души и вырождению витальности.

Бердяев неоднократно приводит подобные сравнительные характеристики в «Самопознании», сопоставляя «юных» русских и «стареющих» европейцев, прежде всего французов. «Мы более молодой, варварский народ», — вторил Н. Бердяеву Б. Вышеславцев, близкий ему по идеологическим пристрастиям [3, *9*]. Н. Бердяев соответственно выделяет такие *ювенильные* черты национального характера, как органицизм духовной жизни (слиянность рационального и иррационального компонентов), коммюноторность (переплетение коллективистских и анархических импульсов) и амплитудность в поведении.

Виталистская модель, казалось бы, говорит: повзрослеем, обретем опыт — и превратимся в таких же рациональных и организованных взрослых, как европейцы. Однако не получается, вот уже почти два века. Скорее всего, время органических эволюций уже завершилось и наступило время «химер» (Л. Гумилев). И мы видим какое-то смешение «разновозрастных» характеристик: молодые культуры, сохраняя свой архаизм, воспринимают от старых продвинутый модерн (А. Дугин) — высокие технологии уничтожения, цинизм и декаданс и это рождает чудовищную гремучую духовную смесь апокалипсических настроений и тоталитарных практик.

Однако самое занимательное в трех приведенных моделях национального характера то, что они по-разному выражают в принципе одни и те же признаки специфического строя сознания, которое:

— слабо дифференцировано и рационализировано;

— тяготится личной ответственностью;

— всерьез религиозно озабочено;

— имеет акцентированно солидаристский профиль;

— склонно к постоянному социальному пафосу.

Причем это не признаки лишенности (рациональности, ответственности), как может показаться на первый взгляд, — они легко могут быть проинтерпретированы в терминах избыточности, оборачиваясь в славянофильской традиции:

— целостностью, органицизмом и универсализмом;

— кротостью и соборностью;

— жертвенным идеализмом и религиозной духовностью;

— высоким социальным служением.

Таким образом, обе традиции верно выразили основные признаки национального характера, однако, увлеченные взаимной борьбой, дали скорее идеологизированные его образы. Это полезные и необходимые моменты национальной рефлексии, которые дают материал и повод для все новых и новых построений, продвигающих нас ко все более полному, постоянно обновляющемуся самопониманию. Проследуем по этому пути и обсудим новое построение, родившееся из размышлений над приведенным выше материалом.

Мы предлагаем применить к объяснению национального характера модель «трехшаговой причинности». Она устанавливает однонаправленную детерминационную связь: «ландшафт/климат → хозяйственно-культурный тип → менталитет». Действительно, «природная среда была способна в огромной степени ускорить или затормозить различные процессы» [5] общественной жизни и исторического развития.

Наше объяснение конечно же возникло не на пустом месте и имеет за собой как почтенную традицию «географического детерминизма», так и современный исследовательский контекст. Речь идет о так называемом «экологическом» или «средовом» детерминизме. Концепций этого направления достаточно много как за рубежом, так и нас (С. А. Маретина [8], Э. С. Кульпин [7], Д. Б. Прусаков [10] и др.). Особенностями этих концепций является то, что в них природная среда, технологии, хозяйство являются ключевыми факторами общественных, исторических изменений. Для нас же это не главное. Мы лишь утверждаем, что изначальный природный контекст, в котором оказались наши предки, отформатировал наш склад характера, а затем в дело вступила культурная традиция трансляции этого склада далее — по исторической эстафете.

Здесь влияние на духовную сферу осуществляется через определенные, уместные и утилитарные в данных природных условиях, виды и особенности хозяйственной деятельности. И это также не чистый «экономический детерминизм», который лишается своей обязательной каузальности. Ведь мы полагаем, что особенности осуществления хозяйственной деятельности определяет не то, «что» продуцируется в головах данного народа, а скорее то, «как» это делается: характерные рисунки ценностей, способы представленности и артикуляции мыслей.

Выражаясь метафорически, русские — это европейцы, которые от тепла Гольфстрима и Средиземного моря были «загнаны» в холодные снежные евразийские просторы, в которых непредсказуемость стала самим форматом их существования. Понятно, что «загнаны» здесь метафора и синоним «исторической судьбы». Эффективность земледелия, единственного возможного вида хозяйственной

деятельности для поддержания жизни в таких широтах в рамках традиционного общества, напрямую зависела от суровости климатических условий. В природных реалиях Центральной России (Нечерноземье) оно было возможно только как *рискованное скудное земледелие* [14]. В подобных условиях, где по объективным причинам низкой «силы плодородия» почв и обилия форс-мажора нерационально вкладывать много труда — отдачи больше, чем исторически известная мера, все равно не будет, и сложился этнос с соответствующим менталитетом.

Подобные условия формируют и свою особую рациональность. Здесь нерациональна интенсификация усилий сверх некой, эмпирически найденной опытом поколений нормы вложения сил, которая и стала «традицией». Рациональным же оказывается не методически размеренная организация, а «ударный труд», но лишь в строго определенные, благоприятные (и необходимые) периоды. В остальном же безделье — во время непролазной грязи и лютой стужи. Нерациональны систематичность и обилие трудовых затрат (как, например, у немцев или китайцев), поскольку они не дают результатов, соразмерных вкладываемому. Любые трудовые затраты сверх необходимых обесценят стабильно непредсказуемый климат или же лихие люди из Великой степи.

Рациональность — качественное понятие, потому рациональности не может быть «меньше» или же «больше» по отношению к некому стандарту (по умолчанию — западноевропейскому). Рациональность означает найденные и передаваемые межпоколенной традицией варианты реагирования, соразмерные типичным ситуациям, минимизирующие затраты и потери в обеспечении основных человеческих потребностей. В разных же местах планеты типичные ситуации проживания сильно разнятся, к ним и приспосабливается по-разному интеллект как эффективная адаптивная система. В свою очередь, мышление заключает найденные интеллектом технологии выживания в обязательно жизнеподдерживающий мировоззренческо-ценностный формат: менталитет, фольклор и житейскую мудрость народа, которые впоследствии подвергаются концептуализации — в религиозной и философской формах.

Таким образом, рационально то, что минимизирует усилия, способствует выживанию при экономии сил в данном контексте выживания. Пресловутые расхлябанность и «авось» — это вовсе не выражение «природной лености русского мужика». Напротив, можно сказать, что это есть выражение некоего отечественного культурно-исторического «априори» и одновременно «опережающего отражения». Отказ «пожизненно горбатиться» проистекает из особо развитой рефлексивности — умения перед процессом деятельности скалькулировать ее затраты, риски и результаты. И рефлексивность эта носит коллективный характер: знание, сценарии, «философия русской жизни», представленные в культурно-образовательном комплексе сказок, притч, песен, анекдотов, пословиц, составляющих среду инкультурации.

Русский человек, сызмальства подпитываемый подобной национальной «философией жизни» и воспроизводящий потому древние адаптации, древние решения-ответы на тотальную непредсказуемость и рискованность существования, делает важное для себя экзистенциальное вопрошание: «И зачем оно это надо?».

Другие народы, обычно приводимые в качестве примера апофеоза рациональности (и немец, и китаец), обычно трудятся до изнеможения, не задавая изначально подобных экзистенциальных вопросов. Просто потому, что в их более щедрых и предсказуемых природных и исторических условиях существования имеется на порядок выше вероятность воздаяния «по делам их».

Метафизиками русских делают иные риски: горизонт мелких дел и небольших результатов, обнимающий скудный, суровый, полный напастей русский ландшафт не вдохновляет к тому типу труда, в отсутствие которого нас все время обвиняют. Рефлексия над подобными обстоятельствами и порождает знаменитые русскую хандру и русскую лень. За лень, по сути, выдают нежелание растрачивать впустую свои усилия, за исключением необходимого и преднайденного поколениями до нас. Усилия, которые в имеющихся условиях неминуемо обернутся несоразмерно плачевными результатами. Оборотной стороной «русской лени» являются «русская хандра» или хроническая раздражительность — ввиду обилия трудноперенос имых мелкоты, пошлости, нудного повтора неудач, нестыковок и отсутствия всяческих перспектив. Нельзя стать святым или великим? Тогда не все ли равно, кем быть, — хоть свиньей и последним пропойцей.

Подобный контекст неутоленного целеполагания, отчаяние от физической и социальной невозможности в реализации «сил необъятных» компенсируются в высоких запросах, безмерных целях, обнаруживают себя в нетерпеливости и максимализме. Именно вследствие этого русские и метафизики: любят вести разговоры о смысле жизни, Боге, всемирно-исторической миссии России. Просто их «историческое априори» требует интенсивной побудительной мотивации к деятельности и впечатляющих горизонтов перспектив. Потому-то, как отмечали неоднократно отечественные мыслители, у русских «смысл стоит впереди дела»: сперва надо решить — достойно ли дело, прежде чем его делать [2].

Итак, в течение двух веков у нас сложились две культурные традиции репрезентации русского духа: партикуляристская и космополитическая. При всей их разности они обнаруживают нерасторжимое внутреннее, почти мистическое единство. Прекрасно-метафорично сказал о том А. Герцен в «Былом и думах»: «мы, как Янус или как двуглавый орел, смотрели в разные стороны, в то время как сердце билось одно» [4, *247*].

Обе традиции верно выразили основные признаки национального характера, однако, увлеченные взаимной борьбой, зачастую давали скорее идеологизированные его образы. Очевидно, что их богатейший опыт и разработки явятся органическим смысловым форматом для появления новых интерпретаций, одной из которых можно считать предложенную здесь модель «трехшаговой причинности».

---

1. *Булгаков С. Н.* Размышления о национальности // Соч. : в 2 т. Т. 2 : Избранные статьи. М., 1993. С. 435–458.

2. *Васильев А. А.* Национальная почва в мировоззрении Ф. М. Достоевского, А. А. Григорьева и Н. Н. Страхова // NB: Культуры и искусства. 2013. № 4. С. 16–42 [Электронный ресурс]. URL: http://e-notabene.ru/ca/article_2114.html (дата обращения: 01.09.2017). DOI: 10.7256/2306-1618.2013.4.2114

3. *Вышеславцев Б.* Этика преображенного Эроса. М., 1994.

4. *Герцен А. И.* Былое и думы. М., 2001.

5. *Гринин Л. Е.* Природный фактор в аспекте теории истории // Философия и общество. 2011, № 2. С. 168–198 [Электронный ресурс]. URL: http://www.socionauki.ru/journal/articles/134108/ (дата обращения: 01.09.2017).

6. *Кавелин К. Д.* Наш умственный строй. М., 1989.

7. *Кульпин Э. С.* Путь России. М., 1995.

8. *Маретина С. А.* Эволюция общественного строя у горных народов Северо-Восточной Индии. М., 1980.

9. *Полищук В. И.* Вечно юное и неуемное славянство [Электронный ресурс] // Человек и культура. 2014. № 4. С. 32–44. URL: http://e-notabene.ru/ca/article_14129.html (дата обращения: 01.09.2017). DOI: 10.7256/2409-8744.2014.4.14129.

10. *Прусаков Д. Б.* Природа и человек в Древнем Египте. М., 1999.

11. *Розанов В. И.* Черта характера Древней Руси // Религия и культура. Т. 1. М., 1990. С. 82–95.

12. *Соловьев В. С.* Соч. : в 2 т., М., 1989. Т. 1. С. 289 ; Т. 2. С. 246.

13. *Хомяков А. С.* Несколько слов о философическом письме (напечатанном в 15 книжке «Телескопа») (Письмо к г-же Н.) // Соч. : в 2 т. Т. 1 : Работы по историософии. М., 1994. С. 449–456.

14. *Цуриков В. И.* Влияние географических и природно-климатических факторов на русский менталитет [Электронный ресурс] // Человек и культура. 2016. № 4. С. 15–32. URL: http://e-notabene.ru/ca/article_20350.html. DOI: 10.7256/2409-8744.2016.4.20350.

15. *Чаадаев П. Я.* Сочинения. М., 1989.

Рукопись поступила в редакцию 19 сентября 2017 г.